

Н. Г. Бабенко, Е. К. Корешкова

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА
«ОПРАВДАНИЕ ОСТРОВА»**

Поступила в редакцию 22.11.2021 г.

Рецензия от 13.12.2021 г.

24

Одной из характерных черт идиостиля Евгения Водолазкина является обращение к языковой рефлексии как способу экспликации концептуальных и эмотивно-оценочных смыслов произведения, деавтоматизации его восприятия реципиентом, обеспечения и актуализации диалога между текстом и читателем. Цель настоящего исследования – разноаспектное описание рефлексивов, содержащихся в романе Евгения Водолазкина «Оправдание Острова». Применение комплексной методики исследования, сочетающей функциональный, интерпретационный и рецептивный виды анализа, позволило прийти к выводам, согласно основному из которых рефлексив как метавысказывание о каком-либо элементе художественного текста (слове, словосочетании, предложении, субтексте) зачастую является регулятивом – компонентом текста, направляющим процесс читательской рецепции. В романах Водолазкина рефлексивы представляют собой регулятивы особого рода, поскольку привносят в текст произведения лингводидактическую информацию, направленную на формирование языковой и коммуникативной компетенций читателя.

One of the characteristic features of Evgeny Vodolazkin's idiosyle is the appeal to linguistic reflection as a way of explicating the conceptual and emotive-evaluative meanings of the work, de-automating its perception by the recipient, ensuring and updating the dialogue between the text and the reader. The purpose of this study is a multi-aspect description of the reflexives contained in Evgeny Vodolazkin's novel "Justification of the Island". The use of a complex research methodology that combines functional, interpretive and receptive types of analysis, allowed us to come to some conclusions. According to the main one, reflexive as a meta-statement about any element of a literary text (word, phrase, sentence, subtext) is a regulative, i.e a component of the text, guiding the process of the reader's reception. In Vodolazkin's novel "Justification of the Island" reflexives are regulators of a special kind, since they bring linguodidactic information into the text of the work, aimed at the formation of the reader's linguistic and communicative competencies.

Ключевые слова: художественный текст, идиостиль, языковая рефлексия, рефлексив, регулятив

Keywords: literary text, idiosyle, linguistic reflection, reflexive, regulative

Введение

Жанровую природу произведения Евгения Водолазкина «Оправдание Острова» можно определить как роман-миф, роман-хронику, роман-утопию/антиутопию, роман-фэнтези, роман-притчу. Очевидно, именно совокупность названных характеристик соответствует тому возможному миру, территория которого — *остров* со всей присущей этому понятию амбивалентной символикой: это узилище и убежище, локус райской вечной жизни и одинокой мучительной смерти. Но Остров — не только твердь, окруженная водой, это древнерусское княжество (с отсылкой к Византии, как отмечают критики), многовековое существование которого от крещения до наших дней «летописуют» монахи-хронисты, а комментируют князь Парфений и княгиня Ксения — главные герои произведения. Жизнь островных праведников длится века и смыкается с вечностью, реалии сегодняшнего дня сосуществуют с событиями прошлых веков, сквозь фон средневековой жизни проступают социальные потрясения и лица исторических деятелей XX столетия. Сложность временной хронологической характеристики романа создает эффект «трудного чтения». Преодолеть трудности восприятия пытливому читателю помогает сам текст, а на стадии создания произведения — автор. Вот как об этом говорит Евгений Водолазкин: «... писатель, когда пишет, он не столько создает свое произведение, сколько создает на нем кнопки для того, чтобы нажимал читатель на те кнопки, которые ему (писателю) нужны» [6]. Так, ориентируясь на широкую аудиторию и потому не прибегая к языку науки, писатель-филолог говорит о работе автора — адресанта литературной коммуникации — над установлением диалоговых, кооперативных отношений с адресатом — читателем. Цель статьи — опираясь на комплексную методiku исследования, сочетающую функциональный, интерпретационный и рецептивный виды анализа, показать, какие и каким образом текстовые прояснения языковой рефлексии способствуют читательской ашперцепции.

Основные теоретические посыпки исследования

С точки зрения теории текста и его рецепции, «автор текста при его порождении и реципиент в процессе его восприятия решают разные задачи. Собственно когнитивную задачу решает адресат, в то время как автор — преимущественно коммуникативную. Коммуникативная задача, ориентированная на речевое воздействие, диктует автору определенный отбор и распределение языковых средств, адекватных, с его точки зрения, для реализации данной задачи» [7, с. 120]. Одним из продуктивных способов обеспечения диалогового режима между участниками литературной коммуникации является языковая рефлексия, выражаемая в комментариях различного толка. Причем «комментарий в художественном тексте может принадлежать самому автору, и тогда коммуникация автор — читатель является прямой, или комментарий может быть передан персонажам, коммуникация в этом случае изображенная» [1, с. 268].

На сегодняшний день не существует канонического определения языковой рефлексии, но многие авторские дефиниции этого термина содержательно близки. В настоящем исследовании в качестве рабоче-

го используется определение Т. В. Шмелёвой, в котором языковая рефлексия трактуется как осознанный, осмысленный контроль языковой деятельности человека и общества, способность к анализу языковой системы в целом и ее отдельных проявлений. По мнению исследователя, рефлексия определяет «особый тип отношения к языку, предполагающий осмысленное пользование им, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом» [14, с. 810].

Исследователи «разграничивают имплицитно протекающий процесс размышлений над языком / речью, который всегда сопровождает порождение текста, и эксплицитную, то есть вербализованную рефлексию, которая, хотя и факультативна в речи, но наиболее интересна для языковеда в силу ее непосредственной наблюдаемости» [13].

Важно заметить, что объектом рефлексии может быть собственно слово или его денотат, но следует учитывать, что не во всех случаях возможно доказательно развести отношение к реалии внеязыковой действительности и к ее номинации.

Конкретным проявлением языковой рефлексии выступает рефлексив. И. Т. Вепрева определяет его как «метатекстовый комментарий по поводу употребления актуальной языковой единицы» [4, с. 74]. Рефлексив рассматривают в качестве единицы метаязыка [5, с. 343]. Наличие рефлексивов в тексте маркирует его метаязыковую природу, то есть рефлексия представляет собой процесс создания и одновременного осознания, анализа текста.

Проблемное поле языковой рефлексии имеет зону пересечения с регулятивностью — способностью текста регулировать восприятие — понимание — интерпретацию текста в соответствии с авторскими интенциями [3]. Иначе говоря, «и рефлексив, и регулятив — это единицы... текстовой системы, имеющие ярко выраженную рефлексивную природу и ориентированные на другого (слушающего, читателя, участника диалогического общения)» [8, с. 224]. Регулятивы различных типов «выступают информативными и прагматическими сигналами, стимулирующими речемыслительную деятельность читателя» [2, с. 109].

Рефлексия над словом

Обратимся к анализу содержащихся в тексте романа «Оправдание Острова» рефлексивов, объектом которых является слово.

Пример 1. В первом случае надо было просто пустить вражеские корабли в островную гавань и открыть ворота Города. *Просто — слово-то какое...* *Просто* согласиться с вечным командованием извне, с систематическим грабёжом и, что хуже всего, с постоянной униженностью своего народа (136)¹.

В приведенном фрагменте рефлексия субъекта речи формально (в согласии с морфологией русского языка) должна быть направлена на выделительно-ограничительную частицу *просто*, а фактически (под

¹ Здесь и далее страницы цитат из романа Е. Г. Водолазкина «Оправдание Острова» приводятся в круглых скобках по изданию [16].

влиянием трагизма референтной ситуации) объектом рефлексии говорящего становится омоформ частицы *просто* — предикативное наречие *просто* в значении 'легко'. *Открыть ворота Города врагу разве просто, легко?* — именно этим вопросом терзается защитник Острова.

Текст собственно рефлексива представлен предложением *Просто — слово-то какое...* Пейоративная лексика, входящая в контекстное окружение рефлексива (*вражеские, грабеж, униженность*), наводит конносему негативной оценки на усилительную частицу *какое*, что и создает условия для гипотетической вербализации содержательно-подтекстной информации: *Просто — слово-то какое неуместное (?), мерзкое (?), предательское (?), кощунственное (?)*.

В анализируемом высказывании рефлексив функционирует и как регулятив, направляя мыслительную деятельность реципиента на экспликацию подтекста, демонстрируя необходимость и ценность для интерпретатора навыков семасиологического, контекстологического и морфологического анализа.

Пример 2. Хронист: В лето двадцатое Парфения и Ксении начались *демонстрации*, нечто, прежде невиданное. Поскольку **в названии события островитянам ясно слышалось демон**, собрать сколько-нибудь значительное количество участников первоначально не удавалось... (164).

В этом высказывании объектом языковой рефлексии становится ранее неизвестное островитянам слово *демонстрация*. В рефлексиве (*в названии события островитянам ясно слышалось демон*) отражается результат народной этимологизации, спровоцированной случайным созвучием неродственных слов *демонстрация* и *демон*. Народная этимологизация — одно из проявлений обыденной, наивной лингвистики как «совокупности непрофессиональных метаязыковых представлений носителей языка» [13, с. 21]. Звуковой фантом *демона* (нечистой силы, воплощения вселенского зла) отвратил островитян от участия в демонстрации, помешал сложиться задуманной референтной ситуации.

Текстообразующий и смыслопорождающий потенциал рефлексива раскрывается в полной мере в правом контексте употребления метаязыкового высказывания:

Ксения: Куда более разумно, рассудили борцы, заняться человеческой природой. Ее непросто изменить у человека, но она легко меняется у людей. Довольно лишь собрать их вместе, и они будут послушны. В толпе нет отдельных волей, у нее есть лишь общая воля, которой можно управлять. Так думают они. **Демонстрации устраивают демоны**. Так думаю я (164–165).

Княгиня Ксения, размышляя о психологии личности и толпы, приходит к выводу, в котором устанавливается прямая референция: в анализируемом контексте *демоны* — образная номинация манипуляторов, провокаторов, подстрекателей, политических кукловодов.

Рефлексив и в этом случае работает как регулятив читательской рецепции, как стимул и инструмент текстопорождения.

Нижеприведенные фрагменты содержат рефлексивы, объектами которых являются заимствованные слова: новое для хрониста Илария слово *прогресс* (пример 3) и относительно новое для всех нас слово *байопик* (пример 4):

Пример 3. Интересно, как брат Иларий пишет о прогрессе. **Тогда это слово только входило в моду, и хронист его по возможности избегает. Слово ему явно не нравится:** на Острове оно появилось с первыми бомбами (155).

28

Пример 4. Теперь самое смешное: этот Жан-Мари собирается снимать о нас с Ксенией биографический фильм. Он сказал: байопик. Соединение двух слов — *biographical* и *picture*: **байопик. Уже за одно это слово с ним можно было бы распрощаться** — если бы это был не Леклер (175).

Рефлексивы эксплицируют негативное отношение персонажей к чужой, чуждой (?) им лексике и тем самым способствуют возбуждению рецепторов языкового вкуса читателей.

Пример 5. Глядя на континентальных, жители Острова постепенно им уподоблялись. **И многие стали как континентальные — неторопливо ходили с рукой в кармане брюк и произносили: это твои проблемы. Произносили: я вас услышал. Спрашивали: цена вопроса?** Те же, кому это было не дано, печалились в сердце своем, поскольку не успевали за легкой поступью Президента, введившего свой народ в светлое царство прогресса (320–321).

В этом примере не представлена эксплицитная языковая рефлексия, но явно присутствует имплицитная рефлексия, что позволяет признать своеобразным «рефлексоидом» (то есть подобным рефлексиву) весь текстовый фрагмент, в котором модные ныне речевые формулы и описание невербального поведения (жеста, манеры двигаться) создают саркастично окрашенный портрет дельца новейшей формации — нового островитянина.

В следующих примерах объектами языковой (можно уточнить — этимологической) рефлексии становятся антропонимы *Парфений*, *Ксения* и *Гликерия*:

Пример 6. У тебя, князь, будет сын именем **Парфений, что значит девственник**. У князя же Андроника родится дочь **Ксения, то есть чужая, что можно понимать как чужая миру**. И соединятся в браке, и с их соединением на Острове утихнет междоусобица (61).

Пример 7. **Гликерия значит сладкая...** Сладость ее пробовали с четырнадцати лет и, замечу, очень многие, ибо не было в истории Острова второй такой б... (85–86).

Рефлексивы делают личные имена говорящими, а в контексте романа читатель находит доказательства того, что этимологизированная энциклопедическая семантика имен Парфения и Ксении изоморфна их

личностным качествам, тогда как праведница Гликерия оболгана *двуязыким* (= двуличным) *хронистом* *Прокопием* посредством манипуляции с номинативным и переносным, ситуативно-речевым значением слова *сладкая*.

Интертекстуальность как проявление языковой рефлексии

При всем многообразии концепций интертекстуальности этот термин обладает «достаточно прозрачной внутренней формой, способствующей его толкованию: лат. *inter* (приставка) – “между”, лат. *intertextum* (форма суфина) – “включенное внутрь”. <...> Интертекстуальность – связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний» [10, с. 51]. В. Е. Хализев предлагает более развернутую дефиницию термина: интертекстуальность – это «общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входит не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» [12, с. 261]. По словам Н. Пьеге-Гро, «интертекстуальность... – это устройство, с помощью которого один текст переписывает другой текст» [9, с. 48]. Сказанное в полной мере относится к многочисленным и многообразным интертекстуальным связям, актуализированным в «Оправдании Острова». Обратимся к конкретным примерам.

Пример 8. На главную площадь вышла ослица и произнесла человеческим голосом: **Революции – локомотивы истории**. Немного подумав, она добавила: **Нам нечего терять, кроме собственных цепей...** На том высказывания ослицы закончились, и из уст ее раздавался только рев. Звучал он необычно, как-то даже не по-ослиному, и в нем явственно ощущалась готовность к борьбе (163–164).

Фрагмент текста содержит отсылки к трем претекстам и соответственно – трем объектам рефлексии: ветхозаветной притче о Валаамовой ослице, работе Карла Маркса «Борьба классов во Франции» и Манифесту Коммунистической партии 1848 г. К. Маркса и Ф. Энгельса. Оглашение классических цитат ослицей элиминирует присущие им текстовые коннотации книжности, идеологичности, пафосности и наводит на все высказывание неоконнотации абсурдности и комичности, вследствие чего происходит речевая дискредитация библейского зооперсонажа и идеологических афоризмов.

По словам Н. Пьеге-Гро, интертекстуальность «подстрекает читателя по-новому взглянуть на известные произведения. Представляя собой сложную совокупность связей между тестами, читателями и историей, интертекстуальность сама варьирует параметры своего восприятия» [9, с. 150]. Справедливость этого суждения подтверждается в полной

мере: те, кто в свое время не читал, не конспектировал вышеназванные первоисточники, не способны ощутить и осознать интертекстуальную игру как в предыдущем, так и в последующем примерах:

Пример 9. Пророчество, сказал Касьян, по сути своей ненаучно, мы же занимаемся научным предвидением, которое единственно правильно, потому что верно (212).

В этом примере цитата из работы В.И. Ленина «Три источника, три составных части марксизма» («Учение Маркса всеисильно, потому что оно верно») стала объектом рефлексии персонажа — революционера, а затем и Председателя Острова Касьяна — недалекого, властолюбивого оратора-горлопана. В процессе рефлексии высказывание классика ленинизма получило новую — уничижительную — редакцию.

30

Пример 10. Касьян неожиданно спросил у Верховного Стража: **От чего суждено мне умереть?** При этих словах все потупились, а Маркел сказал: Вы просто не можете умереть, Ваша Светлейшая Будущность, поскольку вы бессмертны. Касьян же, словно не услышав слов Маркела, повторил: Я спрашиваю: от чего мне суждено умереть? И тогда Верховный Страж Будущего ответил: Ваша Светлейшая Будущность, **вам надлежит принять смерть от вашего роллс-ройса** (223–224).

В представленном начальном фрагменте развернутого субтекста рефлексива, требующего отдельного рассмотрения, очевидны метатекстуальность, свойственная вариациям на тему претекста, и гипертекстуальность, предполагающая осмеяние или пародирование одного текста другим [11, с. 122]. Начальный вопрос (*От чего суждено мне умереть?*) и финальный ответ (*...вам надлежит принять смерть от вашего роллс-ройса*) отсылают читателя (в том числе и массового) к претексту — легенде о Вещем Олеге, а подмена знаковой исторической личности антигероем Острова Касьяном говорит об авторской интенции создать пародию на текст-донор.

Заключение

Создание и внедрение рефлексивов в текст является одним из ведущих художественных приемов поэтики Евгения Водолазкина, одной из доминантных черт идиостиля писателя.

Высокая частотность рефлексивов в романе «Оправдание Острова» (в статье приведена лишь малая их часть) обусловлена постоянством интенции писателя-филолога способствовать формированию языковой и коммуникативной компетенции читателя и писать для читателя не только склонного, но и способного к рефлексии над словом.

Большая часть рефлексивов, функционирующих в романе «Оправдание Острова», представляют собой синтез информемы и прагмемы.

Метатекстовые комментарии не всегда, но в большинстве случаев выступают в роли регулятивов читательской апперцепции художественного текста.

Рефлексивы отличаются относительной автономностью в пространстве текста и в то же время являются средством напряжения внутритекстовых связей.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). Сер.: Гуманитарные науки (Филология). С. 108 – 113.
3. Болотнова Н. С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 328 – 331.
4. Вепрева И. Т. Рефлексивы и их функционально-системная организация // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 61 – 87.
5. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №1. С. 337 – 347.
6. Водозазкин Е., Легойда В. Господь дал мне то, что сейчас называется креативностью: интервью // Фома : интернет-сайт журнала. URL: <https://foma.ru/evgeniy-vodolazkin-gospod-dal-mne-chto-seychas-nazyivaetsya-kreativnostyu.html> (дата обращения: 28.10.2021).
7. Новиков А. И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
8. Петрова Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» // Сибирский филологический журнал. 2016. №4. С. 219 – 227.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
10. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. №2. С. 51 – 57.
11. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007.
12. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2000.
13. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
14. Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. М., 2003. С. 810 – 811.

Источник

15. Водозазкин Е. Г. Оправдание Острова. М., 2001.

Об авторах

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NBabenko@kantiana.ru

Елизавета Константиновна Корешкова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: koreshkova.elizaveta@list.ru

The authors

Prof. Natalia G. Babenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: NBabenko@kantiana.ru

Elizaveta K. Koreshkova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Russia.
E-mail: koreshkova.elizaveta@list.ru